

«ЦАРЬ И ПЕС». СЕРГЕЙ АЛХУТОВ КАК ЗЕРКАЛО АФИНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

«Царь и пес» меня прилично удивил и порадовал.

Надо сказать, что современную прозу я не читаю из-за ее малахольной тщедушности, мелкотемья. Современная проза - пустышка. Тратить на нее время - непозволительная роскошь. Почему-то современную дребедень обыкновенно называют современной прозой. Видимо, за неимением лучшего. У меня закралось чувство, что Сергей Алхутов стоит в стороне от современного прозаического процесса. Что это за процесс - об этом ведомо современным ледащим критикам. А Сергей стоит в сторонке, можно сказать, на обочине, и посмеивается. Но дело свое он дюже знает.

Проза не бывает современной, архаичной или футуристичной. Это все для псевдокритиков. Для читателя настоящая проза или есть, или ее нет. Настоящая проза всегда актуальна и современна. Как и поэзия. Любой вид и род эстетического творчества, ежели он выдержан на высокой художественной планке. В прочем, что я об этом распространяюсь. «Записки Цезаря о Галльской войне», «Слово о полку Игореве», Лао Цзы, - не надо быть семи пядей во лбу, - до скончанья веков пребудут современными литературными памятниками. Да, в прозе. Но это форма.

На заре своей юности я не понимал смысл фразы Данте о том, что время это единственная ценность, которая дана человеку. Теперь вроде бы как созрел. Это когда ты физически, психически, не можешь позволить себе тратить время на гиблое дело: современную прозу и стихи. Эта продукция попросту отторгается организмом на соматическом уровне в 99,9 % случаев.

К чему это многословие? Да к тому, что я бы так и не узнал о работе Сергея Алхутова, ежели б случайно не забрел в один из полдней в «Мир путешествий», а по прошествии некоторого времени не кликнул на Яндексe, где предо мной предстало: «Царь и пес». Сергей Алхутов. Это был сайт «Проза. ру». И... зачитался. Оговорюсь, всю книгу зараз не осилил. Это невозможно из-за гигабайтов наплывающей на тебя информации. Другое дело, нужна ли подобная загруженность информационного поля в художественном повествовании?

Не берусь умничать насчет формы повествования. Всякая новизна необычна, и критики в силу тщедушного профессионализма норовят втиснуть произведение в прокрустово ложе формальных рамок. К чему? Ведь называл Гоголь «Мертвые души» поэмой. С тех пор критиками исписаны море страниц чтобы утвердить или опровергнуть данный постулат. А автору начихать. Критиков уже набралось больше чем букв и знаков препинаний вкупе с пробелами в этой бессмертной поэме. А произведение живет. Я - не критик. Чур меня критического

ока. Я - читатель. Но, может быть, поэтому моя критическая зеница пристрастна и не замылена.

Этот двуслойный, или, параллельный текст, он мною уже где-то был виден. Далеко ходить не будем, к примеру, у Михаила Булгакова. Роман, понятно, известен. Он написан на высоком художественном уровне, хоть и не те же «Мертвые души», у автора коих (преимущественно ранних произведений-фантомов, «Вечера на хуторе...», «Вий») будущий классик многому научился. Я не поклонник «Мастера и Маргариты» из-за шабаша нечистой силы, плутней с дьяволиадой, которые Булгаков возвел в некий эстетически притягательный императив в двадцатом веке. Говорят, эпоха была такова, эстетические и духовные планки рухнули... Посему, стало быть, бесовщина стала обыденностью сознания. Обывателя, - допускаю. Но зачем мастеру такого калибра идти на поводу сиюминутных страстей и возводить их в культ. Достоевский в «Бесах» не возвел в эстетический и нравственный критерии философию нарождающегося народовольчества. Но в том то и суть, что Булгаков на писательство был рукоположен ранними произведениями Гоголя. Впрочем, это на вкус читателя. Сдается мне, «Мастер и Маргарита» это клинический случай, выдержанный в высокохудожественных тонах. Понятное дело, в наше гремучее время вкусы читателей-обывателей таковы, что «Мастер и Маргарита» даже на затравку не сгодится и мало кого заинтересует эстетизацией темной силы, сиречь, зла. У нашей эпохи свои кумиры. «Бригада», «Дом – 2», «Фабрика звезд», Владимир Сорокин, Боря Моисеев, Максим Галкин, Верка-Сердючка. Имя им - легион. И Михаилу Афанасьевичу нынче куда как далече до упомянутых пиковых нагрузок на современное эстетическое сознание обывателя.

Однако, двуслойность и двуплановость текста «Мастера» логически и художественно оправданна. С точки зрения сюжета и эпического замысла. Не знаю, как насчет промысла божьего. То есть, художественный сплав абсурдного, авангардного, фантасмагоричного существования Москвы 30-х годов сопрягается ненасильственно (и в том новшество!) с псевдоримской реальностью эпохи Тиберия, противостояния прокуратора Иудеи Понтия Пилата и странствующего пророка Иешуа. То есть, через временной разрыв Булгаков показывает нам двух «лишних людей» своего времени, противостоящих исторической действительности и погибающих в столкновении с ней лицом к лицу. Только в одном случае - Иешуа - творит собственно историю, в другом - Мастер - показывает окружающую действительность. Мастерски, мастерски выписанной реальностью. Отчего и создается иллюзия подлинности и драматичности сюжета. Это захватывает дух и воображение. Где, заметьте, вы не встретите сцен мастурбации и парного совокупления действующих лиц. К вопросу об уровне постановки художественных задач и воплощения их в жизнь.

Очень сильна, намагничена, интеллектуальным и мифотворческим полем художественная ткань «Царя и пса». Особенно в части «Сиддхартхи». То есть, это текст в тексте, текст в квадрате, или, даже в кубе, если принять во

внимание его конечную задачу сшить, сублимировать два текста в одно целое. Говорят, есть поэзия для поэтов, проза для прозаиков, искусство для искусства... Не верьте, это вещают недалекие люди. Пижоны и ханжи. Может сложиться впечатление, что «Царь и пес» как раз из таких текстов, проза для избранных. Автор сделал все, чтобы развенчать подобное представление. За счет сюжета и языка. Сюжет весьма лихой и прихотливый, где-то детективный, на современный лад. Это все сообщает повествованию упругость, незатертость, мускулистость. Алхутов грамотно сочетает несочетаемое: двухуровневую (сознание и подсознание, янь и инь) ковровую дорожку повествования с языковой вязью: и лирической, и летописной, и афористичной. Читатель, погружаясь в текст, не скучает. Его лихорадит от новизны впечатлений и занятости сюжета, куда его выведет кривая и чем сердце успокоится.

У Сергея Алхутова отменный вкус и чуткий нюх на стиль. Но как быть с натурализмом некоторых сцен, вкрапленных в текст? Бог, как известно, в деталях. Необходимы ли эти натурные сценки для логики и динамики сюжета? Добавляют ли они пружины в повествование? Сомнительно, на мой взгляд. Ведь не вставил Алхутов натуралистические картинки в художественные коллажи-притчи об Евлампии Изборском. Достало и вкуса и такта. Да и языковое письмо там не лихое и беспшабашно - юморное, а , в известной мере, выдержанное и целомудренное. Читается и слушается на одном дыхании, без эстетических угрызений совести. Я не припомню исторических коллизий с условно-историческими повествованиями, скажем, у того же Германа Гессе в «Сидхартхе» или «Паломничестве на Восток», где бы автор для убожения читательского эго вставил в текст перчик натурализма. Или - в «Киме» Киплинга. Я привожу более-менее близкородственную сюжетную линию. А так бы хотелось сказать - авторов. Что-то мешает.

Начитанность Сергея Алхутова вне сомнений. Чувствуется, автор перелопатил приличный пласт исторических памятников и литературы. Не ведаю, читал ли Сергей Германа Гессе или Редьярда Киплинга (их ориенталистскую ветвь творчества) , - предположу, что читал, - но вся (!) классическая литература потому и классична, что прочно, назубок усвоила уроки целомудрия в своих вершинных произведениях. Сергей, припомните-ка литературный или художественный памятник, где натуралистические сценки послужили достоинством произведения и создали ему славу на века. Если же не работать на века, по горнему счету к себе, зачем вообще братья за перо? «Главное - величие замысла». - Иосиф Бродский. Я не имею в виду «Луку Мудищева» Баркова. Откровений от натурализма, в том виде, в котором он присутствует у вас, вы не найдете и в «Гаргантюа и Пантагрюэле» Франсуа Рабле. Разумею натурализм сенок с мастурбацией Диогена и то, как оприходовали Диоген на пару с Македонским куртизанку Хрисиппу. Сергей, вы можете представить, что обнаружите у Гоголя, Булгакова , Гессе, Лао Цзы или во всем том светоче знаний, который соблаговолил вам стать тем, что вы есть и написать вам «Царя и пса»

следующий пассаж:

«- Ну что стоишь, как столб? - выпалил Пес вместо приветствия., - присоединяйся. Дай ей в рот, она ведь этого хочет. Правда, Хрисиппа?»

На мой неискушенный резон, это весьма сомнительный прием для достижения эффекта современного звучания текста. Уверен, многие порадовались вашей раскрепощенности и либерализму нравов, через которые вы играючи переступаете. Только не я. То, что позволено Владимиру Сорокину, не должно позволять себе Сергею Алхуту. Особенно это трудно воспринять после несколько ранее прочитанных строк:

«Над Афинами разливается закат — багровый, как лицо Александра, когда тот гневается, но никого не пугающий, а напротив, абсолютно умиротворённый. Звуки рынка, звуки рассуждающих философов, звуки птиц, жуков и мух, звуки впряжённых в повозки волов и вращающихся на осях колёс — всё растворяется в этой умиротворяющей багровости, и огромный хитон неба с уже блеснувшей бляшкой вечерней планеты на плече, и огромное сплющенное Солнце, сплющивающееся всё больше и больше под поклажей наступающей ночи и тонущее в океане горизонта, и льняной силуэт луны, льнущий к Водолею и любующийся не то земным покоем, не то самим собой — эти трое и многие другие, и многое другое сразу как-то становится заметным и важным, становится единственным, что есть важного в мире, а может быть, и вообще единственным, единым и неделимым, потому что как можно разделить мир на то и это, на там и здесь, на тогда и сейчас, на страх и отвагу, на добро и зло, на атомы и пустоту? Всё едино. Всё наполнено миром и покоем. Всё багровеет, затем темнеет и затихает, всё закатывается и блестит на плече неба, всё любит земным покоем или самим собой».

Или, прочитанное позднее:

«Небо в той стороне, куда течёт великая река, пока тёмно-багровое, а вот в этих трёх местах — иссиня-чёрные надрезы облаков, как пропасти неизвестно куда; впрочем, иногда воспринимаешь их как горы на небесном своде, направленные своими вершинами точно в тебя. И пока сопоставляешь понятия «пропасть» и «гора», происходит нечто, на что обращаешь внимание как-то вдруг, и сам удивляешься внезапно произошедшей перемене: нижние края облаков окрашиваются ушедшим цветом неба, а само небо розовеет. О, когда облака багровые, то решаешь, что это всё-таки горы, причём определённого свойства — вулканы, изливающие лаву. Потоки небесной лавы ширятся, небеса начинают накаляться — удивительно, что, видя этот накал, телом чувствуешь утреннюю прохладу».

То есть, у автора отменная чуткость к слову и ему все дано для того, чтобы

возвыситься над мнимой притягательностью современных языковых инструментов в работе над художественным произведением. Вроде бы, все удачно, все грамотно. И это действительно так. Но мне, как читателю, этого мало. Я вижу очевидное несоответствие, разрыв меж художественным дерзанием и языковым воплощением творческого замысла. То есть, Алхутов описывает пышное античное благолепие языком плебса. В этом диссонанс. Авторов, которым удалось избежать этого разрыва в пределах художественной ориенталистики - Герман Гессе и Редьярд Киплинг, - я уже называл. А возьмите нашего Михаила Кузьмина, его опыт реконструкции античной жизни. Каков слог! Возможно, конечно, Сергей Алхутов нарочито снизил лексическую нагрузку в надежде на приток массового читателя. Увы. Массового читателя в художественную литературу сейчас бульдозером не затолкаешь.

«Царь и пес» Сергея Алхутова - редкая книга по нашим временам. Ежели судить об них по строгому счету. Благо то, что в этой книге есть художественная реальность, что свидетельствует о несомненном даровании автора. Настоящая. Хоть это и плод талантливой вымысла. Это исключительная редкость для современной прозы. Полагаю, из современной она переключается в категорию актуальной, и, надо думать, в библиотечный реестр. Заметный минус - непритязательный язык повествования, бесхитростный и взбалмошно-юморной. Может быть, это из-за неуверенности автора в своих силах по разработке избранной им художественной жилы. Либо, порода оказалась не по зубам. Читателю приходится только гадать. Но. Запал на будущее есть. Если автор не увлечется расширением языковых экспериментов на последующие произведения, а, будет гармонично, без перекосов словаря над содержанием и наоборот, копать и разрабатывать художественные пласты творческого подвижничества, - станет настоящим писателем. Главное - не суетится.

Виктор Григорьев

16 августа 2006,
Москва